

ЖАК ПУЛЭН: РЕЛИГИОЗНЫЙ СХЕМАТИЗМ, ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ И КРИТИКА ЗНАКОВОГО МЫШЛЕНИЯ

С.В. ПАНОВ, С.Н. ИВАШКИН

В контексте осмысления современных философских течений «философия суждения» Жака Пулэна занимает особое место. Его критика философских концепций с позиции «антропобиологии языка», выявляющей «языковое форматирование» современного человека, регуляцию индивидуального, социального, культурного опыта коммуникативным согласием, представляется новой неразработанной темой для отечественной мысли. Жак Пулэн (род. 1940) – видный специалист по аналитической философии, прагматизму, философии науки, эпистемологии, почетный профессор Университета Париж-8 (Венсээн – Сен-Дени), член кафедры философии культуры и учреждений ЮНЕСКО (1996 – 2011), профессор университета Монреаля (1968 – 1985), с 1985 г. занимал пост профессора в университетах Франции, был научным руководителем Международного колледжа философии, является руководителем научных изданий – коллекций «Философия сообща» («La philosophie en commun»), «Межкультурные перспективы» («Perspectives transculturelles») в издательстве «Ларматтан» (L'Harmattan, Paris, 1996 – 2011). В его основных трудах¹ вскрывается проблемное поле философии языка и прагматизма. Новизна критического подхода Пулэна к этим ведущим философским течениям XX в. состоит в выявлении их связи с вербально-речевыми знаковыми регулятивами монотеизма.

Если в своей первой книге Пулэн критикует логический атомизм предложений в концепции Л. Витгенштейна, связанный с порождением ситуации из самого факта связывания субъекта и предиката в суждении, то в последующих трудах Пулэн раскрывает широкий культурно-цивилизационный и теоретический контекст языкового само моделирования современного человека, диагностируя утрату им способности суждения об объективных условиях его субъективного и коммуникационного опыта, познавательную неопределенность его самоэкспериментирования, его аутизм как вытеснение травматического контакта с реальностью, его безусловное доверие к языковому формату согласия, позволяющего участникам взаимодействия абстрагироваться от реальных обстоятельств восприятий, мыслей, желаний и поступков и предвосхищать коммуникативно-деятельностный успех исходя из его речевых актов.

Истинные основания постонтологической прагматической трансформации человеческого бытия обнажаются в новом образе культуры

как сферы самоэкспериментирования человека, где все заранее не определено и не гарантировано, но всякий раз – в не подводимой под закон единственности опыта – требует создания условий связности воспринимаемого, мыслимого и волимого. Прагматическая традиция в философии открывает совершенно новое понимание существования человека в предполагаемом им способе самочувствия и самопознания. Классическая «истина» трансцендентального познания как полагание априорных условий опыта в связности определимого и определения переформулируется в прагматической перспективе как мера «всеобщего экспериментирования» в ожидании всякий раз превосходящего ответа природы выдвигаемой научным проектом гипотезе. К критике оснований прагматической традиции обращается Жак Пулэн, который в своей книге «Прагматическая эпоха, или Всеобщее экспериментирование»² вскрывает сущностные механизмы так называемой новой технологической революции человеческой культуры, на самом деле воспроизводящей структурные элементы архаичных «изобретений» – суверенных богов как автономных внеположных сил, создающих событийный ряд мира, и мифорелигиозных схем, порождающих само смысловое ожидание и гарантии ответа в сообразном человеческому способу восприятия, мышления и действия порядке бытия.

Религиозный схематизм политеизма как органическая суть современной технологической эпохи (проекция человеческого желания гармонии в универсум трансцендентных человекоподобных богов при регуляции индивидуального поведения вербализованным преданием взамен обесценившихся тотемных ритуалов социализации) задает весь горизонт самопроизводства человека в постоянном самоотчуждении и самоприсвоении того, что со времен Просвещения носит название «природа». Пантеон суверенных богов как способ самоотчуждения человека в порядок необходимой судьбы, впервые основывающий непреложную связь причин и следствий в виде некоей телео-космологической реальности, структурно равноценен «идентификации прагматического человека с моделью успешного функционирования созданных им автоматизмов» (Р. 208), что всякий раз дает ему возможность осознать собственное несовершенство в утрате согласованности своего бытия, недостатке согласия во всех его формах и продуктах, согласия как основной цели «всеобщего экспериментирования», которое, как предполагается, принесло бы раз и навсегда человеческому существу полное удовлетворение потребности, исчерпывающее снятие стимулов при реализации задач человеческого праксиса, привело бы к постметафизическому покою, выраженному в «иллюзии идеала» – прагматической атараксии и аффективной апатии. Таким образом, идея прагматики как проектирующего согласия субъекта с самим собой, природой и другими

основывается на «идентификации себя с тем, что мы из себя создаем, исходя из единственного факта, что мы себя мыслим и себя проговариваем» (Р. 213). Именно поэтому прагматический человек в реализации технологической воли самопроецирования и самосоздания, подчиняющей воспринимаемое, мыслимое и создаваемое целям «всеобщего экспериментирования», априорно запрещает себе самому судить об условиях истинности человеческого самопродуцирования, не позволяя себе представить саму возможность «ложности того, во что мы воплощаемся» (Ibid.). Прагматический «демон» заставляет индивида и сообщество каждый раз воспроизводить коммуникационную модель «безупречного автоматизма», заменяя им вакантную позицию «Третьего» (внеположных отчужденных сил или суверенных богов), «автоматизма», гарантирующего условия разворачивания любого человеческого действия, выбора, решения, аффекта.

Технологическое «желание» прагматического человека осуществляется не просто в предвосхищающем ожидании утвердительных ответов природы, всякий раз в новом аспекте приложения исследовательской воли, раскрывающей невиданную сферу исследования, а в «автоматизации» мира как основе всякого моделирования, проектирования и реализации. Это вопрос-ответное единство технологического ожидания имеет в своей основе коммуникационную структуру речевого акта, в которой предвосхищение слуха, слушания является исходным условием связывания означающих, а значит и смыслового обращения в идентификации реализуемых действий с условиями их реализуемости, в различении реализуемых действий и нереализуемых как продуктов «фантазматических желаний». Таким образом, технологическое «желание» прагматического человека, являющееся условием возможности «всеобщего экспериментирования» как повсеместного и ежесекундного самоиспытания воли-к-истине, определено консенсуальной волей, стремлением каждый раз, в каждом опытном движении обеспечить «согласительные» коммуникационные условия мыслимости мыслимого, воспринимаемости воспринимаемого, ценности созданного, которые кроются в изначальной речевой идентификации слышимого и произносимого, звуков услышанных и звуков произнесенных, служащей основой разворачивания любой мысли и речи. Подчинение видимого произносимому как основа технологического дискурса прагматического человека в его «всеобщем экспериментировании» — обналичивании опытного в «картину мира» или «концепцию» — необходимым образом отсылает к модели аудитивной рецепции звуков речи, к «немислимой» чувственности языка, который «секретирует невидимое сочленение с феноменальной чувственной явленностью речи» (Р. 215), т.е. априорное связывание, которое и является условием невидимого продуцирования согласованности видимого и ожидаемого, а также согласия с другим

посредством звуков в том «отношении, которое до опыта освобождает нас от необходимости судить свое собственное суждение» (Р. 215 – 216). Именно поэтому языковое моделирование коммуникационной структуры прагматического разума обнажает его «апраксию» как неспособность соотнести собственное продуцирование с суждением об исходных условиях истинности своего проекта в идентификации самой мысли с саморегулируемым автоматом как «перводвигателем» и первозаконом «всеобщего экспериментирования».

Коммуникационный этос прагматической эпохи как времени «всеобщего экспериментирования», всякий раз устанавливающего горизонт неопределенности для осуществления собственного, создающего сами условия опыта самоуверения, связан для Пулэна прежде всего с тем обстоятельством, что коммуникация сама по себе создает гармонию человека с самим собой, другим и миром только в том случае, если она «проецирует во внутреннюю и внешнюю природу коммуникационную структуру, присущую идентификации человека с произнесенными и услышанными звуками»³. Вещи, желания и успех приобретают вид «вербальной прозопопеи» (*prosoropée verbale*), которая раз и навсегда заранее дает положительный ответ нашему призыву, нашим потребностям и стремлениям, как и согласие с другим уже исходно предполагается в возможности «сказать ему то, что мы ему говорим, и говоря ему это». Объективация человека и мира, представленная в речевом акте снимает любую возможность несогласия другого с нашим желанием и ожиданием желаемого ответа, отчуждая во внешнеположную силу энергию консенсуса, который заранее удовлетворяет нашу потребность в согласии, что снимает раз и навсегда все другие потребности. Боги политеизма уже были «гипостазированными и отраженными в мире желаниями, посредством которых обретал дар речи и сам мир, необходимо обнаруживая себя в качестве расположенных к осуществлению этих желаний» (*Ibid.*).

Для Пулэна в иудаистском монотеизме человек «признается Богом-творцом и промежуточной божественной прозопопеей» с тем, чтобы он мог обрести способность осуществить «желание всех своих желаний» — желание бессмертия, если он «подчинится решению Слова, ставшего Богом, о том, чем он должен быть» (*Ibid.*). Таким образом, человек отождествляется с прозопопеей согласия, всякий раз удовлетворяющей его потребность в достоверности, в истине собственного бытия предсуществующим соответствием этой истине исходя из единственного факта этого соответствия (*Ibid.* — Р. 84 — 85). Так рождается исходный бытийный акт (Фихте) как «магическое» перформативное высказывание, в самом произнесении осуществляющее необходимое единение видимого, мыслимого и волимого: вербальная прозопопея как результат усвоения «религиозного схематизма» явилась тем конечным пределом осуществления человеческой сущности

во «всеобщем экспериментировании», который закрыл возможность познания истинных условий внутренней и внешней природы, все еще не подчиняющейся единству произносимого и слышимого, а всякий раз оставляющей зазор того, что мы могли бы назвать реальностью.

Постонтология и прагматика речевых актов во «всеобщем экспериментировании» культуры все еще не могут соответствовать сути культурного события, исходно закрывая возможность его испытать — в «автоаффективном» самопроизводстве субъективности. Как и кем может быть испытан культурный опыт как таковой, если его условия не гарантированы и результаты не превосхищаются в фигуре вербальной прозопопеи как прагматического этоса, в предрешенности согласия с тем, кто все еще ожидает нашего ответа? Мыслить культуру в эпоху глобализации — все еще не мыслить немислимое, не решиться на само решение, а отсрочить собственное решение в неопределенном поле самоиспытания.

Языковая прагматика речевых актов во «всеобщем экспериментировании» культуры позволяет судить о событии самоутверждения культурных меньшинств в соответствии глобализационной прозопопее «согласия несогласных» — беспредельного производства идентичностей в автоаффективном самопроизводстве субъективности, которое закрывает возможность испытать само многообразие культуры и жить в культуре как в открытом пространстве смыслового события, смысла как становления множественности. Онтопрагматическое условие «культурного многообразия»⁴ — мимесис вербальной прозопопеи в каждом акте культуротворчества и в каждом акте самоопределения человеческой воли-к-действию, отождествление первослова и бытия, всякий раз задающее меру отношения к себе, к другим и к миру, производство насилия в утверждении внеязыковой инстанции, создающей все внутри- и межконтекстуальные языковые отношения. Неолиберальная глобализация, разрушившая не только устои «государств-наций», но и ценностное образование «социальных государств», трансформировала культуры в автономные силы, способные утвердить универсальность собственного духа и указать на ущербность других культур в неолиберальной виртуально-спекулятивной «конкуренции идеалов», которая уже заранее утратила отношение к реальному.

Сущностное определение посттрансцендентальной эпохи — эпохи «всеобщего экспериментирования» — абсолютное неведение бытийных основ и неуверенность в онтологической связности воспринимаемого, мыслимого и волимого, которые, как предполагается, должны быть преодолены в «одном-единственном исследовании», узаконивающем «онтологическую идентификацию собеседников языку»⁵ посредством «теоретической прозопопеи», во всеобщем этико-познавательном эксперименте, в котором сомнение в реаль-

ности общения и сообщаемого может быть снято только в осуществлении воли-к-согласию, в триумфе «общего чувства» – всеобщей внятной сообразности чувственного и умопостигаемого, осевшей до статуса «языковой конвенции», «внутренней формы языковой игры», порождающей сам горизонт сомнения и его снятия как «коммуникационное событие» (Ibid.). Консенсуальный императив как коммуникационное событие – «чистое» перформативное действие воли, производящей и субъект, и предмет коммуникативного акта из самой фактичности конвенционального произнесения первослова – исходно абдуктивен: нет и не может быть трансцендентальной дедукции «основоположений чистого практического разума» (Кант), определенного собственной автономией в полагании принципов нравственности и воли к действию, в априорном синтезе, основанном не на чувственной интуиции, а на познании ноуменального типа. Консенсуальная абдукция непоправимо контекстуальна: она создает горизонт этико-познавательной неопределенности как условие собственного бытия, понимаемого отныне как приложение исходной силы, все еще остающейся «способностью к преодолению препятствий» (Кант) в предвосхищающем установлении всякий раз сингулярного – контекстуального – согласия в любом восприятии, познавательном акте и действии. Консенсуальный императив – предположение предвосхищаемого согласия в каждом акте восприятия, познания, поступка и взаимодействия, который лежит в основе и метапсихологической метафизики прагматики, и прагматического проекта семиотики.

Философская семиотика Ч.С. Пирса – наука о языке, которая претендовала на то, чтобы впервые и необратимо осуществить трансформацию картезианской философии в философию языка. «Человек есть знаки», «мы не можем мыслить без знаков» – эти предложения означают, что человеческое существо признает себя тождественным всякому опыту употребления знаков, «которое позволяет ему мыслить этот опыт и, следовательно, его совершать»⁶. Опыт мышления знаками возводится в условие возможности любого восприятия, любого действия, любого желания, любой мысли так же, как и любой критики этих опытов. Пирсова максима «любое предложение утверждает собственную истину» (Ibid.) определяет семиотико-пропозициональную трансформацию философии. Знаковое мышление – род силлогизма, в котором пользователь знаков полагает одну или несколько реальностей как предварительные данные предложения с целью сделать вывод, абстрагируемый от реальности. Эта рефлексия истины действительна в той мере, в какой она предполагает саму себя, предоставляя пользователю реальность, отличную от нее самой.

В основе прагматической эпохи – полагание опосредованности любого знания в любом познавательном и этическом акте: никакое

самосознание не может претендовать на истину, если оно не измерено другой вещью, чем она сама. «Семиотический» поворот в философии предполагает отрицание чистого мышления как непосредственной интеллектуальной интуиции и формы самоконструирования: нет инстанции *cogito* как независимой психологической субстанции и единства сознания, что делает невозможной интроспекцию, познание абсолютно непознаваемого (регулятивные идеи разума). Мое утверждение получает истинностные условия только из отношений знакопорождения и знаковсообразности, нейтрализуя гиперболическое сомнение Декарта (Ibid.). Реалистический предрассудок прагматического проекта — обращение гаранта истинности опыта в тавтологическое присвоение знака реального: проекция сущностных свойств в объективную природу вещей (Ibid.). Объективность семиотического описания употребления знаков, по-видимому, гарантирует объективность научных дескрипций, упорядоченных этим употреблением. Таким образом, порождение знаков объемлет рационализацию бытия, условия умопостигаемости универсума, внутреннего мира и человека. Закон, регулирующий научное употребление знаков — это подчинение условий проверяемости научной гипотезы эксперименту, подчинение истинности предположения подтверждающему ответу внешней природы, видимому миру (Ibid.).

Согласие внутренней и внешней природы становится трансцендентальной инстанцией, ответ которой не зависит от желания, интенций ученого предполагать истинной свою гипотезу. Внутреннее экспериментирование человека так же определено условиями употребления знаков, как и экспериментирование во внешнем мире. Любой высказывающийся подчиняется транссубъективной и объективной инстанции консенсуса, абстрагированной от содержания желаний, знаний, аффектов, которые он может мыслить и выразить. Этика консенсуса диктует признание консенсуса как посттрансцендентального регулятива во всех сферах жизни, основывающего личностную, научную, прагматическую, социальную идентификацию партнеров в сообществе. Принцип «логического социализма» — выносить за скобки «свои личные интересы как последние цели своих актов» (Р. 40). Семиотический проект основан на двойственной рационализации универсума человеческого бытия в сообразности знаков и означаемой реальности. Этический прогресс как эрзац-конкуренция идеалов подражает прогрессу научного познания — в моральном самоэкспериментировании человека суждения, в контекстуальных формах должноствоания (Р. 41).

Философия «знакового мышления» состоит в создании условий смыслопорождения и означивания, которые фиксируются в форме коммуникативных привычек и верований. «Знаковое мышление» как сознание, обладающее безусловным критерием собственной

истинности, характеризуется как логическим самоконтролем пропозиционального производства, так и абсолютным этическим самоконтролем в сфере самоэкспериментирования человека, который осуществляется «в сообществе собеседников, взаимно признающих ценность их моральных и политических суждений исходя из самого факта их признания» (Р. 42). В этом признании правил производства межсубъективного бытия впервые может осуществиться «подчинение закону консенсуса» в испытании во всякий раз новом контексте «согласия как единственной формы жизни», поэтому единственная событийная форма человеческих отношений – признание или непризнание истинности познавательных, этических, политических суждений, обещающие каждый раз «социальное или индивидуальное счастье или несчастье» (Ibid.).

Прагматическая философия снимает проблему историзма и релятивизма знания: допрагматическое неведение консенсуального закона «производства признания» формировало эпистемологическую эпоху «случайности», «в которой вероятность изобретения гипотез, условия их подтверждения или фальсификации составляли единственный закон существования» (Ibid.), в то время как новая «синекристическая» эра открывает возможность познания необходимых связей воспринимаемого, мыслимого и волимого, в которой «законы известны и применимы, отношения судьбы заменяют собой отношения вероятности и случая» (Ibid.).

Однако абсолютное знание, достигнутое прагматизмом, обращается лишь трансцендентальной иллюзией, лишенной всякого отношения к объективной истине человеческого бытия, что необходимым образом обуславливает «возвращение картезианского гиперболического сомнения» в семиотическую метапсихологию, поскольку единственной целью «регуляции абдуктивных гипотез» во всеобщем познавательном и этическом самоэкспериментировании человека является в действительности снятие любого самоконтроля, достижение того уровня использования знаков, который «объективно запрещает любое сомнение в том, что нужно делать» (Р. 43). Триумф знакового мышления как абсолютного праксиса – неразличность бытия и долга, тождество бытия и мышления как совершенная сообразность субъекта и объекта познания. Именно поэтому «любое предложение становится видом успешной абдуктивной гипотезы», «заставляя нас признать единственную реальность для восприятия и единственное действие, которое надо осуществить для преодоления локального познавательного или этического сомнения» (Ibid.). Поэтому нет и не может быть необходимости индуктивного подтверждения или дедуктивного самоконтроля в сфере прагматического разума. Философская семиотика утверждает прагматический идеал, который «всегда уже реализован» в каждом опыте восприятия, мысли или действия: идеал

абсолютного знания зафиксирован в прагматической максиме и доктрине «сущностной природы и фундаментального многообразия возможного семиозиса (возможных действий, свойственных одним знакам)» (Ibid.).

Таким образом, философская семиотика становится «семиотической» феноменологией, целью которой является установление принципов явленности смысла в комплексе необходимых и достаточных условий коммуникации, выраженных в индикативной (референционной), иконической (предикативной) и символической функциях языка, благодаря которым собеседники подчиняют собственное восприятие реальности разумной природе знакового порождения с целью «получить доступ к сущностной и нормативной целесообразности опыта», «признаваемой субъектами в их собственных знаках исходя из единственного факта их произнесения» (Р. 44). Человеческое бытие как семиозис становится сферой символической идентификации значения, которое синтезирует условия «перцептивного и практического поведения, общезначимого для интерпретаторов как пользователей языка» (Ibid.).

Семиотический интерпретант как форма «разумной природы», как знаковая «*natura naturans*» характеризуется динамическим эффектом, «гарантирующим общность содержания, выраженного в знаке, независимо от контекста и обстоятельств выражения» (Р. 45). Интерпретант можно определить как рефлексивный продукт «архитектонического разума», обуславливающей сообразность знаковых выражений внутренней форме означивания, логической матрице языка как такового. Именно поэтому он становится рефлексивной формой знаковой «чувственности» — эмоционально-аффективной явленностью идеи в «чувстве понимания» (Ibid.). Эффект семиотического действия есть акт, который соотносит знаки интеллектуальных концептов с условиями их порождения во внутренней форме логического контекста. Логическая форма интерпретанта формирует комплекс «привычек» как смысловых ожиданий, проецирующих способ осуществления воли в будущем и определяющих механизм порождения волевых актов в постоянном изменении «тенденции к действию» во все новых контекстах на основе концептуальной конъюнктуры (Р. 46).

Финальный логический интерпретант как понимательная привычка является мерой семиозиса, внутривознаковой внезапной реальностью, позволяющей всякий раз понимать сами знаки в их связи с тем, что отлично от них. Человеческое бытие как сфера смыслопорождения основывается на посттрансцендентальных «рефлексах» идеи — комплексе понимательных ожиданий и автоматизме повторения реакций, поэтому интерпретант оказывается продуктом спонтанного самоанализа и осознанного конструирования опыта (Ibid.). Однако трансцендентальная дедукция абдуктивной идентификации

последних логических интерпретантов оказывается неоправданной операцией, поскольку семиосфера подменяет собой саму реальность на основе априорного «переноса в знаки природы универсалий» (Ibid.). Таким образом происходит прагматическое удвоение реальности как всеобщей связи мыслимого и явленного в интуитивном синтезе «значимых общностей (типов) и единичности их употребления» (Р. 47). Так прагматическая семиотика достигает абсолютного знания, объемля объективную логику знаковой природы и субъективную логику понимания. Рефлексия как абсолютный праксис основывается всякий раз на предзнании реальности, замененной ее знаком, на «семиотическом» убеждении, согласно которому реальности вне знаков не существует, реальность превращается в «совершенную виртуальную иллюзию» (Ibid.). В основе семиотического проекта — слепое консенсуальное самоутверждение, гарантирующее раз и навсегда истинностную проекцию универсалий, валидность абдуктивных гипотез и экспериментальных процедур (Ibid.). Основой философской семиотики оказывается «семиотический софизм»: необходимо одновременно и создать реальность как знаковую природу и отрицать возможность этой необходимости, чтобы произвести любой пропозициональный акт означивания и коммуникации. Именно поэтому, если реальность есть сущностно знаковая иллюзия, то априорное условие семиозиса отклоняет любую возможность «саморегулирования прагматической максимой» (Ibid.). Абсолютное согласие познаваемого с предзаданными условиями его порождения как основа прагматического разума не может быть поставлено под сомнение. Прагматическая традиция, как констатирует Пулэн, воспроизводит классический эпистемологический тупик: познание возможно только тогда, когда условия познаваемости нам уже исходно заданы в тождестве мышления и бытия. Семиотическая иллюзия может быть преодолена только в опыте суждения об истинных условиях существования в соответствии с его смертной мерой, с конечностью познающего в его познании, всякий раз оборачивающемся виртуальным неведением в иллюзии.

Семиотическая иллюзия, заменившая знаковыми выражениями суждение об объективной реальности индивидуального и социального бытия, становится для Пулэна основой того, что в гуманитарном дискурсе называется постиндустриальной культурой. Постиндустриальная культура, культура как зрелище потребления держится на магической силе представления и сопредставления, которая заставляет непосредственно отождествить опыт собственных душевных состояний и ментальных актов субъекта с реконструкцией внутренней динамики душевной и интеллектуальной жизни другого. Прожить культурный акт означает отныне проживание того, что пережили другие в формате повествования — в нарративной истории как «форме жизни, где мы желаем проживать себя и других сообща»⁷.

Культура становится метапредставлением этих переживаний и сопереживаний во всей антропоургической сценографии консенсуса, в которой собеседники сообща снимают условия их сосуществования, оценивая их и формируя новые в стиле «аргументативной дискуссии» – в формате абсолютного согласия всех со всеми в выбранной языковой форме жизни. Переживание опыта других становится единственным культуротворческим актом, в котором нам остается только воспроизвести транслируемые традицией содержания как собственные представления (Ibid.). Так безболезненно нейтрализуется способность суждения культурных агентов, ставших равными собеседниками в производстве нарративной истории: наш собственный опыт прошлого приносится в жертву смыслам, которым подчинено любое будущее, заставляя нас отождествить себя с механизмами повествования о прошлом, все еще видимом в своих следах и метках, но лишенном какой-либо аффективной значимости в совокупности пресловутых «объективных фактов».

Герменевтика исторического сознания (Гадамер, Рикёр) призывает нас заменить наш собственный опыт опытом других, претендуя таким образом на то, чтобы «обогатить» и «образовать» нас самих в несводимой к единому множественности жизненно-культурных миров, содержания которых надо исчерпать и наслаждаться вновь и вновь собственной критической силой в оценке любых языковых контекстов понимания, а значит – наслаждаться и своей позицией вненаходимости по отношению к любому моменту и любой норме традиции, заранее снимая с себя ответственность за свою причастность к ней.

Критика семиотики, прагматизма, коммуникативной теории и герменевтики, осуществленная Ж. Пулэном в «философии суждения», раскрывает смысл современной примивитизации человека и общественных отношений, связанной с отождествлением человеческого бытия с логической структурой предложения или речевого акта. Современный человек в свободном экспериментировании, ставящем под вопрос основания моральных, социальных, юридических, политических институтов, теряет ценностные ориентиры собственного действия и взаимодействия с другими, возводя в ранг последней инстанции слепое согласие, продиктованное языковой формой предложения, отчуждая суждение об объективных условиях своего бытия в суждение о внеположной истине консенсуса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Logique et religion. L'atomisme logique de L. Wittgenstein et la possibilité des propositions religieuses suivi de Logic and religion: a shortened and adapted version. – La Haye; Paris: Mouton (Collection Reason and religion), 1973; L'âge pragmatique ou l'expérimentation totale. – Paris: L'Harmattan (Collection La philosophie en commun),

1993; La loi de vérité ou la logique philosophique du jugement. – Paris: Albin Michel (Collection La bibliothèque du Collège International de Philosophie), 1991; Critique de la raison phénoménologique. La transformation pragmatique. – Paris: Cerf (Collection Passages), 1991; La neutralisation du jugement ou la critique pragmatique de la raison politique. – Paris: L'Harmattan (Collection La philosophie en commun), 1993; Les possédés du vrai ou l'enchaînement pragmatique de l'esprit. – Paris: Cerf (Collection Passages), 1998; De l'homme. Éléments d'anthropobiologie philosophique du langage. – Paris: Cerf, 2001.

² См.: *Poulain J.* L'âge pragmatique, ou l'experimentation totale. – Paris: Harmattan, 1991.

³ *Poulain J.* Le jugement de vérité dans les actes de paroles // Semiotiques (Paris). 1996. №10. – P. 84.

⁴ *Poulain J.* Mondialisations culturelles et dialogue transculturel. – URL: philochat.blogspot.com/2008/11/jacques-poulain.html

⁵ *Poulain J.* De l'homme. Elements de l'anthropobiologie philosophique du langage. – Paris : CERF, 2001. – P. 220.

⁶ *Poulain J.* La métaphysique metapsychologique de la pragmatique et l'ontologie du jugement // Semiotiques (Paris). 1992. № 2. – P. 39.

⁷ *Poulain J.* De l'homme. Elements d'anthropobiologie philosophique du langage. – P. 162.

Аннотация

Цель настоящей статьи – выявить концептуальные основы критики семиотики и прагматической философии, осуществленной Жаком Пулэном в его оригинальной концепции «философии суждения», показать в перспективе этой критики генезис прагматической трансформации человеческого существа и культуры. В основе прагматической трансформации современного человека лежит отождествление условий истинности индивидуального и совместного опыта со знаковой природой и формами согласия.

Ключевые слова: прагматизм, трансформация, монотеизм, знак, семиотика, консенсус, постиндустриальная культура.

Summary

The present article's objectif is to discover a conceptual basis of the Jacques Poulain's critics of the semiotics and the pragmatic philosophy, to show in this perspective the pragmatic transformation of the human being and of the culture. There is the identification of validity conditions of an individual and social experience with the semiotic nature and with consensual forms, which lies at the heart of pragmatic transformation of the modern human being.

Keywords: pragmatism, transformation, monotheism, sign, semiotics, consensus, postindustrial culture.